

А Шан вспомнила надпись на дощечке в парадном зале академии. Если под ней похоронен Тань Сю, то кто же тогда брал серебро?

— Неужели Директор Тань — привидение?

А Шан отыскала заросли погуше и спрятала каменную стелу обратно.

— Ты видел призраков, которые слоняются повсюду среди бела дня?

Лин Дань испугался до полусмерти:

— Если не призрак, так нечисть?! Конец мне, полный конец! Когда я покупал талисманы, то взял только от призраков. Что же делать, если это вдруг оборотень или демон?

— И в чём трудность? Выкroiшь времечко, спустишься с горы и купишь еще парочку. Ты же постоянный клиент, глядишь, десяток в подарок дадут.

Не успели они договорить, как внизу, в академии, трижды ударили в колотушку.

Лин Дань поторопился:

— Пора возвращаться, опоздаем — учитель накажет.

Оба в спешке бросились с горы и влетели в Класс Гэн. Учитель еще не пришел, все ученики уже собрались. Увидев входящих А Шана и Лин Даня, они дружно уставились на них.

Они уселись на свободные места друг за другом. Лин Дань тихо пробормотал:

— Студенты в этой академии прямо образцы послушания, вылитые немые.

А Шан огляделась: добрая половина учеников сидела над книгами.

— Далеко не каждый болтлив, как ты.

А Шан повернулась к Лин Даню:

— Скажи, к чему перед парадным залом установили ровно тринадцать шестов?

Лин Дань призадумался, и лицо его приняло на редкость мрачное выражение:

— Уж не какая-нибудь ли это зловещая формация? Тринадцать иньских трупов? Тринадцать огненных бедствий? Тринадцать младенческих проклятий?

— Тринадцать круглых нолей, — А Шан одарила его выразительным взглядом, опустила на корточки и короткими шажками поддвинулась к сидевшему слева ученику.

Тот выглядел сугубо интеллигентным и был полностью поглощен чтением. А Шан присела рядом и легонько ткнула его пальцем:

— Меня зовут А Шан, рад знакомству. Будьте добры, ответьте: зачем у нас во дворе академии поставили тринадцать шестов?

Ученик молча бросил на А Шана взгляд и продолжил уткнувшись в книгу, наотрез отказавшись отвечать.

А Шан не унималась, переступила на корточках еще на шаг вперед и уже открыла рот, чтобы снова заговорить, как тот ученик отвернулся, оставив ее любоваться своим принципиальным затылком.

Лин Дань был прав: если бы не доводилось слышать, как они читают вслух, можно было бы подумать, что все обитатели этой академии от рождения лишены речи.

Прежде чем А Шан успела продвинуться дальше, в класс, тяжело ступая и прижимая к груди книги, вошел седовласый старик-учитель. До смерти испуганная А Шан кубарем скатилась обратно на свое место.

Справа от А Шана сидел пухлый ученик, который еще мгновение назад клевал носом. Растерянно моргнув и заметив, какие именно учебники принес учитель, он издал искренний и весьма громкий стон.

Из-за спины толстяка, словно из-за горы, с трудом высунулся худой парень:

— Учитель Цюй, неужели и сегодня будет счет?

Учитель, которого называли господином Цюем, опустил книги на стол:

— Счет — одно из шести искусств, почему бы его не преподавать?

Худой ученик тут же заговорил:

— Преподавать, конечно, надо, надо. Но кто же выдержит заниматься им изо дня в день? К

тому же нам потом сдавать экзамены на ученые степени, а там проверяют сочинения. В арифметике достаточно иметь общее представление, зачем ее учить каждый божий день?

Сидевшие рядом с тощим двое остроносых братьев-близнецов тут же согласно закивали.

Учитель Цюй заметил:

— Когда полгода назад я только приехал сюда, Глава зала сразу сказал нам, новым преподавателям, что главная особенность Лушаньской академии — упор на математику, и каждый наставник должен в ней преуспевать. Он даже лично составил для нас проверочные задачи. В академии заведено: все утро посвящено канонам, истории и государственной политике, а вторая половина дня — исключительно счету. Если вы не согласны, ступайте и спорьте с Главой зала лично.

Толстяк фыркнул в ответ:

— Все знают порядок сословий: ученые, земледельцы, ремесленники, торговцы. Купцы стоят на самом последнем месте и считаются презреннейшими. Да даже если кому-то вздумается стать ничтожным торговцем, всегда можно нанять человека вести бухгалтерию. К чему так усердно учить математику? Неужели кто-то из нас мечтает до конца дней сидеть и щелкать костяшками на счетах?

Сказав это, он рассмеялся.

Худой ученик тоже хихикнул, но, заметив кое-что странное, оглянулся: весь класс молча смотрел на них, и никто не поддержал смех. В разгар знойного дня в помещении повеяло холодом ледяного погребца.

Учитель Цюй указал пальцем на дверь и ласково рявкнул на толстяка:

— Вон отсюда! И ступай к Главе зала за наказанием.

А Шан тяжело вздохнула и уткнулась лбом в стол.

Лин Дань ткнул ее сзади:

— Что такое? У самой с математикой туго?

А Шан ответила, не поворачивая головы:

— А у тебя блестяще?

Лин Дань усмехнулся:

— Не хвастовства ради скажу: если я в Поднебесной второй, то первого сыскать не смеет никто.

Не успело наступить время ужина, как новость о наказании толстяка, казалось, разнеслась по всей академии. Видимо, в этих стенах редко кто осмеливался бросать вызов наставникам, нарушать устав и навлекать на себя гнев большинства. Когда А Шан шла в столовую сразу за толстяком, вся академия провожала их тяжелыми, молчаливыми и устремленными прямо на них взглядами. Ощущение было прескверное.

А Шан подумала, что любой, кто проживет в этой суровой, наглухо лишенной улыбок академии хоть несколько дней, непременно сорвется и превратится в такого же невыносимого болтуна, как Лин Дань.

От изнурительных дневных занятий раскалывалась голова, а ночевка в комнате на тринадцать мужчин, чье оглушительное храпение превосходило любые ожидания, оставляла А Шан лишь крохи сна. Проснувшись среди ночи от звуков шагов — кто-то выходил по нужде, — она сонно вороталась с боку на бок, а когда долгое время спустя снова открыла глаза, одна из кроватей все еще пустовала.

Та самая кровать толстяка.

А Шан мгновенно протрезвела, на цыпочках отворила дверь и выскользнула наружу.

Ночь выдалась темной и ветреной — самое время для темных делишек. Пройдя всего пару шагов от крыльца, А Шан заметила в тени у стены две сплетшиеся фигуры: похоже, один человек лежал на земле, а второй навис над ним сверху, прильнув так близко, что зрелище выглядело донельзя двусмысленным.

Верхний партнер проявлял излишнюю страсть, больше смахивающую на издевательство. А Шан полезла за пазуху и вдруг вспомнила, что выскочила спросонья с пустыми руками. Спешно сложив пальцы в заклęcie, она перевела взгляд в сторону: в этот момент рядом мелькнула тень, быстрая как молния, и с зажатым в руке желтым бумажным талисманом бросилась прямо на того, кто сверху.

Тот даже не успел получить удар: испуганвшись, он отпустил жертву и сиганул прочь с невероятной скоростью. Такая крупная фигура — и скрылась из виду за первым же углом, ошеломляюще быстро.

А Шан безуспешно попыталась преследовать беглеца, а вернувшись, обнаружила, что Лин Дань уже поднимает с земли того самого растерзанного любовными утехами персонажа. Волны жира колыхались по всему телу — это был дневной толстяк.

— Убит?

— Ничуть, — ухмыльнулся Лин Дань, помахав рукой перед ословевшими глазами пострадавшего. — Просто лишился души.

А Шан отличалась зоркостью и давным-давно заметила, что напугала нечисть вовсе не покупная бумажка из пачки «десять по цене пяти», а именно те самые пальцы Лин Дань, сложившие заклинание.

<http://bllate.org/book/21270/2155342>